

Очерки горной Бухары.

Въ верховьяхъ рѣки Кафернигана.

(Продолженіе) ¹⁾.

Глава II.

Кишлакъ Раумить.—Разводъ.—Кабальное право.

Кишлакъ Раумить находится при слияніи рѣкъ Сарда-міона и Сорбо и является самымъ большимъ изъ населенныхъ пунктовъ этихъ мѣстъ, служа мѣстопробываніемъ помощника каферниганскаго амлякдара.

Когда то Раумить составлялъ собою особое бекство, и владельцы его жили въ крѣпости, отъ которой въ настоящее время остались лишь развалины.

Весь потонувшій въ зелени густыхъ и обширныхъ садовъ, Раумить можетъ быть причисленъ къ числу красивѣйшихъ мѣстъ этого далекаго края, имѣя около двухъ тысячъ жителей съ постройками общаго таджикскаго типа.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 2.

Едва мы успѣли расположиться на отдыхъ подъ куртиною тутовыхъ деревьевъ, привязавъ лошадей на приколахъ, какъ одинъ за другимъ стали появляться мѣстные жители, привѣтствуя съ благополучнымъ прибытіемъ и справляясь о здоровьѣ.

Усаживаясь на корточки недалеко отъ меня, они осторожно освѣдомлялись у Измаила о цѣли прїѣзда русскаго полковника и, удовлетворившись его короткимъ объясненіемъ, пристально смотря своими черными красивыми глазами, начинали слѣдить за каждымъ моимъ движеніемъ.

Два старика, держа на большой лепешкѣ кисть винограда и нѣсколько персиковъ, подошли ко мнѣ и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ, какъ будто въ нерѣшительности, а затѣмъ одинъ изъ нихъ шопотомъ что-то спросилъ Измаила и выжидательно сталъ прямо передо мною.

— Что хочеть аксакаль? спросилъ я, взглядываясь въ характерное лицо старика съ библейскою сѣдою бородою.

— Пришли мы къ тюрѣ и хотимъ сказать ему тайное слово, чтобы никто не мѣшалъ, вполголоса отвѣтилъ таджикъ.

— Хорошо, я готовъ выслушать; кстати мнѣ хотѣлось бы посмотреть развалины старой крѣпости и аксакаль меня къ ней проводить, сказалъ я поднимаясь. — Только я не люблю, чтобы люди ходили за мною, и пойду одинъ.

Старая кала осыпалась и отъ нея когда то грозныхъ твердынь осталось очень мало. Груды битого кирпича покрывали довольно большое пространство. Вокругъ разрослись густыя заросли боярышника, дикихъ грушъ и яблонь, образовавшихъ непроходимую чащу.

Старикъ, шедшій сзади меня, тихо заговорилъ.

— Тюра у падишаха большой человекъ и, навѣрное, если онъ что захочеть, то все сдѣлаеть. Пришелъ къ намъ теиерь новый казій и всѣ дѣла по новому сталъ разбирать. Много, очень много денегъ хочеть съ людей, а у кого ихъ нѣтъ, тому совсѣмъ плохо бываетъ. Законъ—шаріать есть, но только онъ для богатыхъ, а для бѣдныхъ нѣтъ шаріата. У меня дочь вышла замужъ за человека изъ Кафернигана—Мурадъ-бай его называютъ. Нехорошій человекъ, оставилъ свою жену и ушелъ въ Бухару. Моя дочь не имѣеть хлѣба. Въ шаріатѣ сказано: «не даетъ мужъ женѣ хлѣба три мѣсяца, жена разводъ получаетъ», а онъ уже ушелъ и неизвѣстно гдѣ живетъ два года, а казій моей дочери разводъ не даетъ. Пусть, тюра, ей разводъ дастъ и бумагу съ печатью.

— Какъ же это такъ, вѣдь я это не могу сдѣлать? Нѣтъ вѣдь такого закона?!

— Что, тюра, говорить? Видно не хочетъ сдѣлать, убѣжденно сталъ протестовать старикъ, видя въ причинѣ моего отказа лишь необъяснимое для него нежеланіе.— Пусть, тюра, напишетъ разводъ на бумагѣ, что ему стоитъ, снова сталъ убѣждать онъ меня.— У насъ одна женщина нѣсколько лѣтъ тому назадъ хотѣла развода; также вѣхалъ русскій тюра, она просила, и онъ сейчасъ же ей разводъ написалъ. Если хочетъ, тюра, я покажу, когда вернемся въ кишлакъ.

Тихій лѣтній вечеръ, послѣ зноя равнинъ былъ особенно приятенъ. Солнце зашло за горы, и сѣроватыя короткіе сумерки скоро слились съ темнотою ночи. Вокругъ, во многихъ мѣстахъ горъ, загорѣлись огни костровъ, вездѣ занимались приготовленіемъ ужина.

Не болѣе какъ черезъ полчаса снова появился красноватый свѣтъ медленно выплывавшей изъ за горъ луны, огромный дискъ которой мѣдно-краснаго цвѣта, поднимаясь надъ землею, началъ постепенно блѣднѣть и скоро мягкій серебристый свѣтъ полнаго мѣсяца заливалъ всѣ окрестныя горы. Гдѣ-то близко въ ущельѣ пронзительно закричалъ барсъ. Собаки залились злобнымъ лаемъ. Затѣмъ постепенно все стихло и наступила торжественная тишина.

Миріады звѣздъ покрывали все небо и было такъ свѣтло, что ясно виднѣлись всѣ предметы на довольно далекомъ разстояніи.

Спать еще было рано и, присѣвъ на огромный обрубокъ дерева въ ожиданіи ужина, я внимательно сталъ прислушиваться къ шуму рѣки. Вода сильно прибывала и стремительно неслась внизъ, перекатываясь черезъ камни.

Пожилой таджикъ, присѣвъ невдалекѣ, очищывалъ нѣсколько убитыхъ мною горныхъ куропатокъ, которыхъ я приказалъ изжарить на ужинъ. Разведя огонь и положивъ въ кипящее сало птицъ, онъ задумчиво смотрѣлъ на огонь.

Печальное выраженіе лица привлекло, невольно, мое вниманіе.

— Ошна, не боленъ? спросилъ я его, чтобы вызвать на разговоръ.

— Нѣтъ, тюра, я здоровъ, но только очень на сердцѣ нехорошо, тихо отвѣтилъ онъ, смотря на меня своими грустными глазами.

— Что случилось съ тобою? Расскажи, можетъ быть я чѣмъ-нибудь могу помочь тебѣ.

— Нѣтъ тюра, помочь мнѣ ты ничѣмъ не можешь. Вѣдь я не свободный человѣкъ и себѣ не принадлежу!

— Какъ это такъ, совершенно не понимаю тебя? удивился я, чувствуя, что случай даетъ мнѣ возможность познакомиться съ чѣмъ то совершенно мнѣ неизвѣстнымъ.

— Видишь ли, тюр, у меня прежде былъ свой домъ, поля, сады, много козъ и барановъ. И жилъ я не хуже купца изъ Кафернигана. Всего было достаточно, и даже много вещей изъ серебра и серебряной тельги я имѣлъ спрятанными въ тайномъ, никому, кромѣ меня, неизвѣстномъ мѣстѣ. Все это я получилъ отъ отца своего, а потомъ, когда занялся торговлею въ Дюшамбе, еще болѣе прибрѣлъ всего. Шелковые халаты носилъ, какъ бекъ. Жена у меня была и трое дѣтей. Старшій сынъ черезъ три-четыре года навѣрное меня бы въ ростъ догналъ. Но только надо мною пронесся гнѣвъ Аллаха и я сталъ нищимъ-байгушемъ, ничего примѣющимъ и себѣ не принадлежащимъ.

Два лѣта тому назадъ собрались ко мнѣ родные и знакомые, а вмѣстѣ съ ними прѣхалъ одинъ узбекъ сосѣдь, старый бай, который у меня покупалъ барановъ. Уѣхалъ подъ вечеръ бай, но къ себѣ домой не доѣхалъ. Судьба его на дорогѣ встрѣтила. Нашли старика съ перерѣзаннымъ горломъ въ ущельѣ. Кто сдѣлалъ это злое дѣло—Аллахъ знаетъ, я не знаю.

Сталъ амлякдаръ искать, кто виновецъ. Взяли меня и всѣхъ, которые у меня были, и заковали въ колодки. Долго палками били, когда допрашивали, потомъ приказалъ амлякдаръ выкупъ внести. Собрала жена на выкупъ, продала скоть, козъ, принесла мѣшокъ денегъ. Выпустили меня, но черезъ нѣсколько дней снова взяли и опять штрафъ принести приказалъ, а били еще больше, чѣмъ первый разъ.

Сказалъ я женѣ тайное мѣсто—вынула она серебро, тельги, отдала все. Но мало показалось беку и казію. Еще потребовали. Лавку продали, товаръ продали—ничего не осталось. Отпустили меня избитаго, больного домой, а тутъ надо за товаръ платить, ничего у меня нѣтъ. Все взяли.

Позвали меня снова къ беку. Спрашиваютъ: когда заплатишь?

Но нечѣмъ мнѣ было платить. Взяли также моихъ жену и дѣтей. Еще надо было штрафъ платить и за безпокойство беку и казію.

Неоткуда ужъ было мнѣ достать. Подумалъ бекъ и приказалъ меня въ книгу записать и отдать потомъ мирахуру, жену же и дѣтей взялъ себѣ одинъ изъ людей казія. Потомъ кричали мое имя на базарѣ и съ тѣхъ поръ я человекъ несвободный и себѣ не при-

падлежу. Все, что я заработаю, идет на уплату за долги. Но только, тюра, вѣдь все, что я ѣмъ—это считаютъ. Работа моя идетъ за хлѣбъ, а на долги ничего не остается... Никогда я не отработаю, тюра, до старости, съ отчаяніемъ въ голосъ закончилъ онъ свой рассказъ.

Я слышалъ не разъ, что въ Бухарскомъ ханствѣ существуетъ отдача за долги въ кабалу, но встрѣчать мнѣ такого кабальнаго пришлось первый разъ. Съ невольнымъ изумленіемъ передъ такимъ чудовищнымъ закономъ я обратился за разъясненіемъ къ Измаилу-ша.

— Правда ли все, что рассказываетъ этотъ человѣкъ? спросилъ я старика, сидѣвшаго невдалекѣ и совершенно равнодушно прислушавшагося къ рассказу.

— Правда, тюра. Отчего же нѣтъ? Такой здѣсь шаріатъ. Вездѣ такой человѣкъ можешь видѣть, который принадлежитъ своему хозяину. Не можетъ платить свой долгъ—отдаютъ тогда кто хочетъ его взять. Тотъ уплачиваетъ за него все, а самъ беретъ себѣ въ услуженіе. Пока онъ не отработаетъ—ему принадлежитъ. Въ книги такихъ людей пишутъ, на базарахъ о нихъ кричатъ. И тогда несвободный человѣкъ становится. Уйти никуда не можетъ. У насъ въ горахъ рѣдко, а внизу, въ долинахъ, часто бываетъ и много такихъ людей.

Хорошо, если хорошій хозяинъ, а если злой, тогда охъ, какъ не хорошо. Палкой бить можетъ. На цѣпь посадить, какъ раба. Жену, дѣтей у такого человѣка также отбираютъ и отдаютъ, кто захочетъ ихъ взять и кормить.

Это вѣдь вездѣ такъ дѣлается. Неужели, тюра, не зналъ про это? удивлялся старикъ моему незнакомству съ такимъ, обыкновеннымъ для него, положеніемъ.—Такой шаріатъ—нехорошій шаріатъ!

Подавленный слышаннымъ, я невольно вспомнилъ, что въ древней Руси существовало тоже самое кабальное право и велись тѣ же кабальные книги и записи, превращавшія однимъ росчеркомъ пера человѣка въ какую-то вещь, временно принадлежащую другому.

Зная хорошо нравы бухарской администраціи, можно лишь вообразить, какъ широко пользуются беки и амлякдары своимъ правомъ и какъ поѣтому настоятельно необходимо вмѣшательство русскаго правительства въ это дѣло, въ цѣляхъ уничтоженія кабальнаго положенія, какъ одного изъ скрытыхъ видовъ рабства, подле-

жавшаго отмѣнѣ еще въ 1873 г. по договору о дружбѣ между Россіей и Бухарою, но существующаго на всемъ пространствѣ ханства вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ.

Всю ночь мнѣ мерещились безправные несвободные люди, цѣлую жизнь обреченные отдавать свой трудъ другимъ, безъ всякой надежды на выплату своего долга и со скорбнымъ сознаниемъ, что жена и дѣти, отданныя какому-то третьему лицу, служатъ для удовлетворенія его похоти. Воспоминанія о прежней жизни лишь еще больше отвращаютъ существованіе.

Рано утромъ яркіе лучи солнца, щебетанье птицъ и воркованіе горлинокъ разбудили меня. Вокругъ началась жизнь. Въ киплякѣ люди поднимались и отправлялись на полевые работы.

Напившись чаю, я уже собирался трогаться дальше, какъ ко мнѣ подошелъ снова старикъ, проспившій о разводѣ для своей дочери.

— Смотри, тюра, вотъ бумага, которую далъ тюра, бывший здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Я взялъ измятую желтаго цвѣта четвертушку бумаги, на которой было написано:

«Даю разводъ Алимать-Биби и разрѣшаю ей выйти снова замужъ».

Внизу видѣлся отпечатокъ двухглаваго орла, сдѣланный какой-то монетой, и стояла витѣватая съ большими росчерками подпись, но фамиліи прочесть было нельзя.

— Кто былъ этотъ тюра, не знаетъ ли Измаиль?

— Не знаю, тюра; прѣзжалъ онъ давно въ Гиссаръ, Каферниганъ, Раумить, зерно покупалъ, въ Термезъ его посылалъ.

— Молодой, высокій... сталъ таджикъ описывать наружность русскаго и черезъ минуту въ моей памяти всталъ знакомый многимъ туркестанцамъ, дѣйствительно бывавшій въ командировкѣ въ Гиссарскомъ бекствѣ, Н. Игрокъ, весельчакъ и легкомысленный человѣкъ, повидимому, рѣшилъ дѣло, ни минуты не задумываясь....

Съ высокаго мѣста передъ моими глазами открывалась узкая долина рѣки Сорбо, вытекающая изъ горъ Гиссарскаго хребта и принимающая въ себя цѣлый рядъ рѣчекъ и ручьевъ, изъ которыхъ главнѣйшія справа: Гулихолъ, Яфракъ, Тавишъ, Лаикъ, Гандаръ и Баянъ; слева: Пумочъ, Занкъ, Вохы, Саны, Дара-и-Мазаръ, Чапъ-Дара и Сорбухъ.

Представляя собою край, рѣдко къмъ посѣщаемый, мѣста эти невольно манили къ себѣ удивительно красивыми горными ландшафтами.

Снова переѣхавъ Раумить-Дарью по тому же длинному мосту, мы поѣхали вверхъ по теченію рѣки Сорбо, мутныя воды котораго образовывали довольно быстрое теченіе, сжатое мѣстами высокими горами, придвинувшимися къ самымъ берегамъ рѣки.

Невдалекѣ мы обогнали двухъ таджиковъ съ мѣшками, поднимающихся по горному склону параллельно съ дорогою.

— Куда это они идутъ? спросилъ я, присматриваясь съ какою удивительною легкостью горцы преодолеваютъ довольно крутой подъемъ:

— За тѣ горы пойдутъ; тамъ много тарана ²⁾ найти можно. Найдутъ гдѣ растутъ и выкопаютъ. Потомъ корень сушатъ и продаютъ въ Каферниганъ. Люди, которые кожи выдѣлываютъ, тотъ корень покупаютъ, чтобы кожа была мягкая. Искать корень трудно и много не заработаешь. Найдешь хорошее мѣсто на цѣлую теньгу нароешь, а иногда такъ ходишь цѣлый день и ничего нѣтъ. Когда посяютъ пшеницу, ячмень, машъ или ихъ снимутъ съ полей, тогда этимъ дѣломъ занимаются....

Глава VIII.

Кишлакъ Дахпиръ. Преданіе о потоѣ.

Переѣхавъ рѣчки Гулихолъ и Яфракъ около небольшого кишлака Тавиша, мы снова перебрались по гибкому мосту на правый берегъ Сорбо, густо покрытый древесною растительностью.

Во многихъ мѣстахъ въ горахъ виднѣлись верхніе небольшіе кишлаки таджиковъ, окруженные садами. Порою мы въѣзжали въ ущелья, въ которыхъ особенно пышно разрослись заросли деревьевъ тута, орѣха въ перемежку со сливами, грушами и яблонями, въ свою очередь перевитыми лозами винограда, опутавшими всѣ деревья и создавшими непроходимую чащу. Выше, на склонахъ горъ, виднѣлись груши и боярышникъ, а внизу, на острювахъ и по берегамъ рѣки, кусты ивовыхъ и таловыхъ породъ.

Горы утратили мягкость очертаній; вокругъ поднимались гранитные хребты, а русла рѣкъ и ручьевъ были покрыты песчаными отмелями. Мѣстами изъ толщъ отвѣсныхъ стѣнъ выбивались журчащія ручейки со свѣтлою холодною водою.

Въ ущельяхъ въ тѣни было сыро и прохладно настолько, что порою я подумывала надѣть пальто. За то на солнечной сторонѣ

²⁾ Корень.

нодь нагрѣвавшимися каменными стѣнами температура мало отличалась отъ равнинъ.

Горная дорога вилась, то по самому берегу рѣки, то поднимаясь на перевалы, и, проходя по самому краю крутыхъ обрывовъ, давала возможность любоваться извивавшеюся внизу рѣкою, блестящей на солнцѣ.

Противоположный берегъ отличался бѣдностью растительности и былъ пустынею. Лишь изрѣдка можно было различить крохотные кущаки, а напротивъ устья рѣки Вохы, при впадѣніи въ Сорбо, видѣлся сравнительно населенный кущакъ Дахширъ.

Теченіе рѣки между тѣмъ сбѣгалось быстрѣе, ключья пѣны неслись внизъ и шумъ падающей воды доносился до насъ издалека. Въ этомъ мѣстѣ большіе камни покрывали русло рѣки, а еще выше открылись пороги, черезъ которые вода стремительно перекачивалась, разбиваясь на нѣсколько протоковъ.

Осклизлыя, покрытыя зеленоватымъ мхомъ скалы поднимались изъ воды, загромождавъ теченіе и образуя пороги, гдѣ масса воды падала съ большою стремительностью внизъ. Шумъ воды разносился далеко по окрестностямъ.

Д. Логофетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

